

ЕВГЕНИЙ НОВИКОВ

Снежный мальчик

Евгений Борисович Новиков
Снежный мальчик

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4436559

Аннотация

«Снежный мальчик» – это роман-фэнтези, события которого поначалу разворачиваются в обычной жизни, но затем переходят в фантастический мир. Герой романа попадает в водоворот невероятных приключений, подвергается разным опасностям, преодолевает немало препятствий, чтобы найти свое сердце, похищенное ведьмой.

Содержание

Часть I	4
Глава I	4
Глава II	7
Глава III	11
Глава IV	17
Глава V	22
Глава VI	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Евгений Новиков

Снежный мальчик

Часть I

Глава I

Черный камень

Она была большая и красивая. Поведет бровью – сердце Рома так и забьется, глянет – по горлу прокатывается холодок. Как от конфеты "Тик-Так".

Знай: если на тебя посмотрела девушка, и по твоему горлу прокатился холодок, это не девушка, а ведьма на тебя посмотрела и ты – ее добыча. Но Ром, которому недавно исполнилось одиннадцать лет, не знал этого.

Однажды, когда он стоял столбом и смотрел, как Алина ловит майских жуков – это было вечером у старого пруда – она неожиданно бросила ему в лицо жука. Жук щелкнул прямо в лоб и отлетел в траву. Все ребята засмеялись, а Ром убежал и расплакался.

Всю ночь он не спал и решил больше никогда не выходить из дома, чтобы не видеть обидчицу, но утром был уже на улице. Он бродил по городу в надежде встретить Алину, но ее нигде не было. И вдруг, когда он уже стал терять надежду, как будто издалека, но в то же время рядом он услышал голос:

– Ты меня ищешь?

Ром поднял глаза – прямо перед ним стояла Алина.

– Ну, вот и нашел, – Алина негромко засмеялась и погрозила Рому пальчиком. – Нехорошо таким маленьким, таким совсем маленьким мальчикам думать о взрослых девушках!

Она резко повернулась и зашагала вниз по улице. Ни секунды не размышляя, куда он идет и зачем, Ром поспешил за Алиной. Сначала она свернула под арку, и они прошли через незнакомый и совершенно пустой двор. Удивительно, что, хотя было лето, двор оказался засыпанным сморщенными осенними листьями, которые тонко хрустели под ногами. Потом они долго шли по тропинке между красной каменной стеной и молочно-зелеными зарослями странных растений, среди которых мелькали фиолетовые, как платье Алины, цветы. Но вот тропинка свернула влево. Где-то в зарослях, скрывших красную стену, раздался быстрый шепот, и звякнуло железо. Ром обернулся, но ничего, кроме колышущихся стеблей, не увидев и опасаясь потерять Алину из вида, прибавил шагу. Слева между зарослями блеснула вода. Алина сбегала к ней и остановилась у большого черного камня. Возможно, он и не был таким уж черным, но река была так сильно залита солнцем, что черными казались и вода, и кусты, наклонившиеся к ней на том берегу, и шипящие на ветру островки тростника.

– Ромчик, ты искал меня за тем... – Алина как-то странно вздохнула, – чтобы сказать что-то? Так скажи, я не буду над тобой смеяться. И никому не расскажу.

Ром молчал, опустив голову.

– Ты любишь меня?

– Люблю, – сказал Ром.

Алина захохотала и, зачерпнув из реки полные пригоршни воды, облила Рома. Он зажмурился, а когда открыл глаза, ведьмы не было. Смеркалось, и мальчик в надежде найти Алину пошел по берегу реки. В полумрачной тишине квакали лягушки, над темно-зеленым зеркалом вод поднимался туман. Погасла полоска горизонта, и по небу – от края до края –

рассыпались белые крупные звезды. Огни города остались позади. Холодная вечерняя роса обжигала ноги, но мальчик не останавливался.

Невдалеке мелькнул огонек. Подойдя поближе, Ром обнаружил маленькую деревянную избушку, вроде деревенской бани, окошко которой мерцало неровным светом. Заглянув внутрь, Ром увидел обмазанную глиной печь и короткую деревянную скамейку, на которой в стеклянном блюде стояла зажженная свеча.

Мальчик осторожно вошел в избушку и стал ее осматривать. Внимание его привлек большой медный таз, стоявший в углу. Сразу было видно, что таз этот старинный – на позеленевших боках его блестели две толстые витые ручки, под одной из которых темнело непонятное клеймо. Дно таза покрывала кисло пахнувшая жижа. К тому времени Ром проголодался. Он слазил за печку и среди вороха разных трав нашел луковицу. "Эх, хоть бы хлеба какой кусочек" – подумал он, принимаясь обдирать луковицу. В этот миг окошко хлопнуло, и большая темная птица взгромоздилась на подоконнике.

– Кыш! – махнул на нее рукой мальчик.

Птица, однако, не испугалась. Тряхнув крылом, она повернула голову боком и так посмотрела на Рома, что по спине у него побежали мурашки. Вдруг птица вся встрепенулась, ударила крылом и, отчаянно кувыркаясь, будто попала в силки, обрушилась с подоконника в таз. Оттуда полетели длинные черные перья, послышались пронзительные клики и торопливый, все убыстряющийся стук когтей. Вдруг все смолкло.

Прижавшись спиной к стене, Ром неотрывно смотрел на загнутый наружу край медного таза. Из него начало медленно подниматься что-то вроде холма, покрытого черной тканью. Затем образовался еще такой же холм, но поменьше. Оба холма росли одновременно. И вскоре тот, что поменьше, оказался головой старухи в черном платке, а больший – ее горбом. У старухи был длинный, загибавшийся вбок нос и впалые глаза.

Ром закричал, и старуха исчезла. Но тут же из-за края таза стали подниматься два пика под белой тканью. Пиками оказались вершины причудливого головного убора женщины с желтым, словно воском налитым лицом и закрытыми глазами. И хотя ее лицо казалось не таким страшным, как у старухи, Ром почувствовал, как у него на голове поднимаются волосы. Но и это лицо исчезло в темневшей глубине медного обода, и на обод легли розовые пальцы девушки. Эти пальцы выглядели нежными и хрупкими, но ногти на них отсвечивали железом. Вслед за пальцами показалась голова, и Ром узнал Алину. Она росла прямо на глазах, словно закипающее молоко. Золотистые огни пробегали по ее шее и плечам, и казалось, что это тысячи огнедышащих птиц ныряют в далеком лазоревом облаке.

– Уйди, ведьма! – закричал Ром, прижимаясь в угол за печку.

– Тише, тише, – прошептала Алина, медленно вставая с корточек и сверкая обнаженным, словно из драгоценного камня выточенным телом. – Я пришла за тобой.

Ром прыгнул на лавку, свечка опрокинулась, и он, нырнув в кромешной темноте под ищущие руки ведьмы, выскочил из избушки.

Ром бежал по тропинке, освещенной полной луной, среди оцепеневших деревьев и кустов, сиявших черными озерцами. За своей спиной он слышал легкие быстрые шаги ведьмы и шорох осоки. Вот ведьма уже совсем рядом, он спиной чувствует, как тянутся к нему ее руки и ее дыхание. Зацепившись за коряжину, мальчик ничком упал на землю. И по всему небу, по всей земле раздался ликующий хохот Алины.

Повернув голову, Ром увидел в кустах громадный кусок мрамора, похожий на обломок древнегреческого храма, какие изображают в учебниках истории. Кусок мрамора дрогнул, и мальчик понял, что это вовсе не мрамор, а палец на ноге ведьмы, стоящей над ним. Он приподнял голову и содрогнулся – ведьма выросла до невероятных размеров: ноги ее, переливаясь трепещущим звездным светом, пронзали ночное небо до самого дна.

Из подлунной вышины в голову Рома слетел голос:

– Твои руки ушли в лед, твое сердце потеряно в океане, твоя память прошла ночным ливнем. Ты снежный, и пусть не будет тебе возврата.

Призрачный колосс исчез, и рядом раздался голос Алины:

– Да, Ромчик, ты стал снежным мальчиком. – Алина стояла на тропинке. Она была обычного своего роста, дивное тело ее сияло и мерцало в сгибах, а глаза светились по-волчьему. – Теперь ты можешь найти золотой ананас, в котором твоя душа.

– Зачем? – срывающимся голосом спросил Ром.

– Чтобы убить свою душу и стать господином мира и моим господином, – холодная стопа ведьмы опустилась ему на спину и прижала к земле. – Ведь ты хочешь стать моим господином?

Тяжесть ее ноги стала нестерпимой. Ром почувствовал, что теряет сознание, и вместе с сознанием, как из дырявой посуды, из него уходит страх.

Глава II

Булка, потерявшая покой

Ведьма исчезла. Ром поднялся с земли и почувствовал, что стал другим. Нет, он не забыл о доме, о том, что его там ждут, но помнил это только головой – сердце оставалось холодным. Непостижимые, страшные превращения ведьмы теперь казались ему чем-то вроде занимательных фокусов. Он шел по ночному лесу, срывая на ходу ягоды малины, которой здесь было видимо-невидимо. Он беспечно насвистывал, готовый встретиться, хоть с красноязыким медведем, хоть с самим чертом. Глаза его обрели удивительную способность видеть в темноте не хуже совиных. Кстати, сов в лесу было до странного много. Серыми гроздьями облепляли они ветки деревьев и, что было еще более странно, держали в лапах кусочки разбитых зеркал.

А что это за беленькое в красном платочке прячется, ползет в траве?

Ром подкрался поближе и прыгнул. В его руках оказалась булка, вроде тех, что продают в магазинах. Но даже на самый первый взгляд она весьма отличалась от них. Во-первых, булка, до того, как попасть в руки мальчика, худо-бедно, но самостоятельно передвигалась. Во-вторых, на ней был красный платок. И, в-третьих, попавшись в руки, она немедленно (обычные булки этого не смеют) воскликнула:

– Я требую, я решительно требую прекратить этот произвол! Моментально отпустите меня! Слышите, моментально!

Булка стала вырываться из рук мальчика.

– Что значит "моментально"? – спросил Ром, не разжимая пальцев. – Я, конечно, могу тебя отпустить, если пожелаю. Но с какой это стати, ты чего-то требуешь от меня? Да я просто съем тебя в ответ на твои безрассудные требования!

– Ну, я прошу вас! Слышите, прошу!

– Так-то оно лучше, – сказал Ром, по-прежнему не выпуская булку из рук. – Возможно, я и не съем тебя... Но в любом случае я желаю сначала поговорить с тобой, потому что никогда прежде мне не попадались такие булки, как ты. У тебя нет ни ног, ни рук, а ты при этом... Вернее, без этого умудряешься ползать. Рта у тебя тоже нет, а ты болтаешь всякий вздор... И потом, почему на тебе этот красный платок?

– Вы, что, недавно оказались в потаенной стране? – спросила булка. В голосе ее звучало и недоверие, и желание обмануть собеседника, если такая возможность представится.

– Только что, – сказал Ром. – Но это не значит, что я олух. Так что, советую говорить со мной без всяких выкрутасов. Кстати, можешь обращаться ко мне на "ты".

– Хорошо, я буду говорить на "ты" и правду. Тем более, что мне скрывать особенно нечего. Ты спрашиваешь, почему я, не имея ног, передвигаюсь? Положа руку на сердце, скажу – не знаю. А сам ты разве можешь сказать – почему передвигаешься? Потому что у тебя есть ноги? Но это же просто смешно! Сами по себе ноги тут ни при чем. Ими командует голова, без нее они бы и шагу не сделали. Конечно, ты можешь сказать, что у меня нет головы. Возражать на это я не стану, однако замечу, что видимое ее отсутствие не мешает мне думать и говорить. Кстати, рта у меня тоже как будто не видно, а между тем я с тобой разговариваю. И отрицать это, надеюсь, ты не собираешься? Вижу я преотлично, одновременно во все стороны. А почему я так устроена, хоть режь меня, не знаю. Видно, уж такой мне положено быть в потаенной стране.

– А что это за потаенная страна такая?

– Ну... надо полагать... Не знаю я, что надо полагать! Отвяжись!

– Нет, пожалуй, я все-таки тобой отобедаю, – сказал Ром и нарочито облизнулся.

Булка вновь попыталась вырваться, но, убедившись, что это ей не по силам, смирилась.

– Ну, хорошо, прости меня за грубость, – сказала она. – Это все от моих расстроенных нервов. Готова продолжить ответы на твои вопросы. Итак, ты поинтересовался, почему я хожу в платке. Что ж, отвечу. Я хожу в нем, потому что он... Нет, это тайна. Не скажу.

– Что ж, попробую сам узнать, – Ром сорвал с булки платок и увидел, что от нее откушен изрядный кусок.

Булка сразу потемнела, и стала содрогаться в рыданиях без слез.

– Ну что ты, успокойся, я не хотел тебя обижать. Просто ты ведешь себя довольно непоследовательно. Согласись, непоследовательное поведение редко кому нравится.

– Что мне делать? Что мне делать? – застонала булка.

– Да что, собственно, случилось? – Ром рассердился. – Хватит наводить тень на плетень!

– Здесь нет теней, – булка всхлипнула. – И не сжимай меня так сильно. Если ты меня отпустишь, я, честное слово, не убегу и расскажу все по порядку. Тогда тебе сразу станет стыдно, ведь ты обижаешь несчастнейшее существо!

Ром положил булку и, усевшись от нее на расстоянии вытянутой руки, приготовился слушать. Булка в свою очередь поправила платок, так, чтобы скрыть укушенное место (любопытно, что поправила она его без помощи рук, которых у нее, как и у всех других булок не было, и чем поправила – непонятно) и начала свой рассказ.

– Как известно, хлебулочные изделия отличаются от людей, – сказала она и сделала паузу, чтобы у слушателя было время по достоинству оценить ее мысль. – По крайней мере, булки появляются на свет иначе, чем люди. Когда-то я была зернами, качавшимися на высоких крепких стеблях. Это было прекрасное, романтическое время! Только представь – голубое небо, молодой ветер и поле до самого горизонта. Да, это было незабываемое время моего отрочества. Но однажды на поле пришли люди. Они пели веселые песни. Что-то вроде: "Пахнет ржище спелым хлебом, и поет о жизни звонко каждый колосок". И с такими-то вот песнями, они срезали под корень все поле! Какое чудовищное лицемерие! Могли ли петь радостные песни о жизни обреченные колосья? Они стояли молча и ждали последнего удара. Они презирали людей за их глупость и равнодушие к чужой боли. Палач надевает на свою голову колпак, чтобы его не узнали. А наши палачи улыбались, пели лживые песни от нашего имени и подмигивали женщинам, которые им охотно отвечали тем же.

Ром нахмурился.

– Не стоит, – сказала булка. – Я рассказываю об обычных людях, а ты совсем другой, ты снежный. К тебе у меня нет никаких претензий. Итак, если не возражаешь, я продолжу. Потом люди скрутили проволокой стебли и бросили их в поле, а нас, зерна, ссыпали в сарай. Среди нас не было никого, кто уже проходил этот путь, и поэтому мы с тревогой ждали, что будет дальше. А дальше было все буднично и просто. Время от времени в сарай приходили люди и забирали нас частями. Мы гадали, куда именно и не могли отгадать. Но хуже всего было ночью. В сарай приходила старая отвратительная мышь и ела нас, ела. "Всех вас сожру", – говорила она, посмеиваясь, и усы ее блестели при лунном свете.

– У нее блестели усы? – Ром встрепенулся. – У нашей учительницы тоже были блестящие усы. Она учила нас писать. А если, кто делал ошибку, она била по пальцам линейкой. Наклонялась и била. И вот тогда-то усы ее и блестели. К нашему счастью, она скоро перешла работать в газету.

– Что, у нее были длинные усы? – поинтересовалась булка.

– Нет, такие коротенькие, черные. Над верхней губой.

– А у нашей мыши усы были на щеках. И предлинные. Впрочем, не хочу даже вспоминать о ней. Вскоре мы поняли, что жизнь – вещь капризная и всегда разная. Сегодня ты радовался солнышку, а завтра, глядишь, тебя стерли жерновами и сделали муку. Ну, потом были другие малоприятные процедуры, и в конце концов я стала булкой. "Что ж, – подумала я. –

У каждого своя судьба. Если мне суждено было стать булкой, то я не уроню своего звания. Пусть меня едят, если жизнь распорядилась таким образом". На съедение я попала в хорошую добрую семью. Подтянутый молодцеватый отец, ласковая заботливая мать и два румяных веселых мальчика. Быть съеденной такой семьей – большая удача. Некоторые булки, как я потом узнала, попадают в немые руки и на грязные липкие столы.

Меня положили на великолепный обеденный стол среди разнообразной снеди. В фарфоровой кастрюльке дымился борщ, рядом стояла укутанная полотенцем, чтобы не уходило тепло, кастрюля с картошкой. В тарелочках лежали салаты из овощей и рыбок. На белой накрахмаленной скатерти блестели серебристые вилки и ложки и длинный отточенный нож.

Мать разлила по бокалам сок и вышла, чтобы звать всех к столу. Я приготовилась к неизбежному и, чтобы не дрогнуть в последнюю минуту, стала вспоминать родное поле и, как мне было там хорошо. И вот тут-то... Тут-то это и случилось. Занавески раскрытого окошка раздвинулись и в комнату прыгнуло странное существо. Человек – не человек, зверь – не зверь. Больше всего оно было похоже на одного из тех рокеров, которые однажды с ревом и улюлюканием проезжали мимо нашего поля. Черная в железных заклепках куртка, длинные нечесанные волосы, перчатки с грубыми раструбами. Существо, тихонечко насвистывая, прошло туда-сюда и с нахальством посмотрело на меня. Я, как и полагается добропорядочной булке, сделала вид, что в упор не вижу это наглое создание. Между тем оно схватило меня со стола... – тут булка запнулась и продолжила дрогнувшим голосом. – ... схватило, откусило от меня кусок и небрежно бросило на стол. Потом на ходу хлебнуло сока и выпрыгнуло в окно. Что мне было делать? Вот-вот должны были войти люди. "Э-э", – сказали бы они, – что это за булка лежит на нашем столе?! Мы покупали хорошую, а эта – с оторванным боком! Куда нам такая негодная!" Я поняла... – тут ее голос снова дрогнул. – Что у меня нет больше чести. И достоинства тоже нет. Ни минуты не могла я оставаться в этом доме. Схватив висевший на стуле платок, чтобы скрыть свой позор, я выпрыгнула в окно и пустилась, куда глаза глядят. С тех пор вот и скитаюсь.

Булка умолкла.

– Стоило ли так переживать из-за какого-то куса, – сказал Ром.

– Это для тебя он какой-то. Если бы от тебя откусили кусок, ты тоже бы сказал – стоит ли переживать? А? Что же молчишь? – у булки от негодования перехватило дыхание, но она взяла себя в руки и продолжила. – С тех пор я вынуждена всегда носить этот платок, чтобы никто не увидел моего позора. А ты сорвал его, самым отвратительным способом!

– Не знаю, почему ты говоришь "отвратительным", но прошу за это извинения.

– Ты его не получишь. Такие поступки не прощаются. Впрочем, рассказ мой не окончен, и я его продолжу во что бы то ни стало. Любое дело следует доводить до конца. Итак, едва я ступила на путь скитаний, на меня обрушилась новая напасть. Меня стал преследовать...

– Если это тот рокер, то я готов с ним разобраться, – сказал Ром.

– В том-то и дело, что я не знаю, кто меня преследует. Булка я, конечно, добропорядочная, но не храбрая. И вот, представь себе, только наступают сумерки, а я уже слышу крадущиеся ко мне шаги. Я бегу. Только отдышусь – опять шаги. А кто идет – не видно. Я потеряла и честь, и покой. Все сразу! Ну почему, почему окошко оказалось тогда открытым?! Из-за какой-то нелепой случайности все пошло наперекосяк!

– Не думаю, что для тебя было бы лучше, если бы тебя тогда съели. – Ром задумался. – Нет, не лучше.

– Т-с-с-с, – прошипела булка и съежилась. – Ты слышишь?

За деревьями прошелестели шаги и стали медленно приближаться. Кто-то невидимый, задев еловую ветку, вышел к тропинке и остановился.

– Это он, – прошептала булка и задрожала.

– А ну, булка, беги во всю свою прыть! – воскликнул Ром и, поднял с земли гладкую еловую шишку.

Упрашивать булку не пришлось. Не разбирая дороги, пустилась она наутек столь стремительно, что красный платок ее заклокотал, как парус, в который угодил порыв штормового ветра. Ром размахнулся и метнул шишку туда, где шаги остановились. Невидимка прыгнул за кусты можжевельника и стал медленно красться, чтобы подобраться к Рому со спины. Ловко пущенные шишки со звоном отскакивали от стволов, рассекали кусты, но определить попадали ли они в невидимку, было никак невозможно. Во всяком случае, шаги не утихали и кружились вокруг мальчика.

– Эй, шагастик, а ну-ка покажись! – призывал Ром невидимку, но тот лишь хрустел упавшими ветками и все старался подобраться к Рому со спины.

Совы, поначалу с опаской наблюдавшие за метанием шишек, стали вновь глядеться в свои зеркальца.

– Эй, совы, вы видите, кто ко мне крадется? – крикнул мальчик. Вместо ответа совы только отрицательно качали своими большими головами – может, они, действительно, не видели, а может, сочли такое обращение к себе непочтительным и не пожелали разговаривать с грубияном.

Решив, что ни от метания шишек, ни от сов нет никакого проку, Ром отправился дальше. Однако шаги не отставали. Видимо, они забыли про булку и задумали преследовать мальчика. Они останавливались, когда он останавливался и бежали, когда он бежал. Желая избавиться от назойливых шагов, Ром пошел спиной вперед, но и это не помогло: шаги вновь оказались сзади и тоже пошли задом наперед. Тогда Ром придумал маленькую хитрость – остановился и, сделав вид, что собирается перевязать шнурок на ботинке, внезапно прыгнул на остановившиеся сзади шаги. Кто-то вскрикнул в кустах, и шаги быстро устремились туда. Видно, шаги принадлежали вскрикнувшему, который обладал удивительной способностью, оставаясь на месте, пускать их, куда ему вздумается. Но на этот раз ему не повезло – шагам-то его, конечно, ничего не доспелось, а вот ногам, хотя те и находились далеко, не поздоровилось.

– Ого-го! – победно закричал Ром. – Я никому не дам спуска! Я снежный мальчик!

"Мальчик-альчик-чик!" – повторило эхо, и к ногам Рома со звоном упал осколок зеркала.

Глава III

Месса

Ром наклонился и, с недоумением увидел, что в осколке разбитого зеркала ничего не отражается. Мальчик стал поворачивать его в разные стороны, но зеркало по-прежнему оставалось слепым.

– Мой юный друг что-то нашел? – спросил незнакомец в длинном синем плаще. Он шел к Рому, слегка прихрамывая и улыбаясь. Вернее сказать, улыбался он только отчасти, потому что губ, где содержится главная часть улыбки, у него не было. Зато у него был короткий острый клюв и большие круглые, как у птицы глаза. Под ними-то и плясали морщинки, которые возникают при улыбке.

– А-а, зеркало без отражения. Известная штука, – он взял осколок, прищурившись посмотрел вверх, и запустил его в небо. – Битые зеркала нам сейчас ни к чему.

Сияя желтым, осколок летел все выше и выше, пока не скрылся в черном ночном небе.

– Ловко, – сказал Ром. – Мне так высоко не закинуть.

– Пустяки, – незнакомец ударил ладонью о ладонь. Кожа на них была чешуйчатая, поблескивавшая, пальцы длинные и тонкие, по четыре на каждой руке. – Что в любом деле главное? Правильно, тренировка.

Тон, которым он это сказал, не понравился Рому. Таким тоном говорят с детьми взрослые, когда говорить не хочется, но нужно изобразить дружелюбие.

– Послушай, приятель, а не тебе ли я случайно только что отдал ногу? – поинтересовался Ром. – А то я гляжу, ты вроде, как прихрамываешь?

– Мне ногу? – незнакомец изобразил на своем удивительном лице недоумение, будто не понимал, что значит отдавать ногу.

– Да, тебе ногу.

– Нет, ты не отдавливал моей ноги.

– А чего ж ты хромаешь?

– Ну... понимаешь ли, дело в том, что я путешественник и очень много хожу. Спроси любого, и он тебе скажет, что нет более известного, знатного, отважного путешественника, чем я. Зовут меня Манулий и путешествую я повсюду. Вот, видно, где-то случайно и повредил себе ногу. Например, в горах или в каком-нибудь глухом овраге, или переправляясь через бурную реку, или...

– Преследуя булку.

Манулий в задумчивости огладил длинными пальцами свой жирненький подбородок, обросший мелкими синими перьями, и два раза моргнул. Когда он моргал, глаза его застилала тонкая золотисто-зеленая пленка.

– Ну, так как же насчет булки? – поинтересовался Ром.

– Мой юный друг, неблагоприятно быть таким дерзким, в том положении, в каком ты теперь находишься. Здесь ведь нет никого, кто мог бы тебя защитить. – Манулий недобро усмехнулся.

Обыкновенный одиннадцатилетний мальчишка, оказавшись в ночном лесу один на один с загадочным и, видимо, недружественным созданием, напоминавшим сразу и человека, и птицу, и ящерицу, попал бы в весьма затруднительное положение. Но Ром был теперь снежным человеком. А снежные люди не впускают в сердце страх, как обычные люди не впускают в свои дома неведомых ночных странников.

– Ах, ты мне угрожаешь?! – воскликнул Ром и сжал кулаки. – Мне не нужны никакие защитники, я сам сумею постоять за себя!

– Ну что ты, что ты, – голос Манулия потек, как льдинка, попавшаяся в горячую ладонь. – Никто и не думает тебе угрожать. Просто в потаенной стране случается разное, и я хотел бы предостеречь тебя от необдуманных поступков. Ты храбр, но одного этого здесь мало.

Ром молчал. Манулий медленно, что-то обдумывая, прошелся туда-сюда и продолжил:

– Я понимаю, что у тебя нет оснований доверять мне. Да ведь и я тебя совсем не знаю... Но мне нужна твоя помощь. Кроме тебя никто мне не поможет.

– Что-то ты, дядечка, совсем запутался. – Ром рассмеялся. – То страшась, то помощи просишь. Иди-ка лучше своей дорогой. А за мной – не надо. Побереги ноги. – Ром повернулся, чтобы уйти, но Манулий вдруг упал перед ним на колени.

Одной рукой он выхватил из потайного кармана горсть золотых монет и протянул их мальчику, а другой – с жадностью вцепился в его штанину. Манулий весь трясся и щелкал клювом, пытаясь что-то сказать, но у него это никак не получалось.

– Встань и успокойся, – сказал Ром. – Видишь, я никуда не уйду.

Манулий с поспешностью голодного зверька, которому предложили угощение, вскочил на ноги и воскликнул:

– Все, все, я спокоен! Только умоляю тебя, не уходи! Хочешь – возьми все мое золото, но только не уходи.

– Да не нужно мне твое золото. – Ром сдвинул брови.

Манулий мгновенно сунул монеты назад в потайной карман и продолжил:

– Я давно тебя жду. Только ты можешь помочь мне. Когда-то, в незапамятные времена я случайно попал в эту Потаенную страну и с тех пор хочу снова вернуться в мир людей и стать человеком. Наступила Великая Ночь, когда открываются дороги во все Миры. Я научу тебя, что нужно сделать, и тогда передо мной откроется нужная мне дорога.

– А почему ты решил, что я буду помогать тебе? – спросил Ром. – И как я могу открыть эту дорогу? Ведь прежде я ничего подобного не делал.

– В Великую Ночь все возможно. Я бы сделал это и без твоей помощи, но я уже стар и ни на что не годен. Видишь эти гнусные перья, эти отвратительные пальцы, – Манулий с нежностью огладил свой перистый подбородок и с умилением посмотрел на свои руки. – А то, что сразу не сказал... глупостей наделал... Ты уж прости старика. Оплошал немного, с кем не бывает.

– И что же я должен сделать? – Ром в задумчивости куснул губу. Он не поверил словам Манулия, но решил его все-таки выслушать.

В темных кронах деревьев, что-то плеснуло, и серебристая рыбина, похожая на окуня, которого увеличили раз в сто, поплыла над поляной. На спине рыбы, сразу за высоким плавником сидела старуха в белом. Одной рукой старуха держалась за плавник, а в другой – был фонарь, которым она освещала воздушные пути.

– Кларисса полетела, – Манулий дружески помахал рукой вслед рыбьей наезднице. – Да, как видишь, в эту ночь все возможно. А от тебя вообще ничего особенного не потребуется. Мои друзья выковали для меня золотую иглу с особенным ушком. Чтобы помочь мне, тебе будет достаточно взглянуть в это ушко и мысленно представить мир людей. И тогда... – на дне глаз Манулия блеснули хищные огоньки.

– А почему бы тебе самому не заглянуть в иголье ушко? – спросил Ром.

– Ах, как мне не повезло. – Манулий, изображая крайнюю печаль, свесил вниз клюв. – Тот, кого я столько ждал, на кого так надеялся, оказался трусом. Да я бы сделал это и без твоей помощи! – голос его возвысился. – Но память моя о мире людей стерлась и сделала глаза бессильными.

Ром понял, что Манулий сначала хотел запугать его, а когда это не удалось, пошел на хитрость, чтобы достичь желаемого. Понял, но все-таки не смог стерпеть упрека в трусости.

– Хорошо, где игла! – сказал мальчик.

Манулий сразу засуетился, галантно подхватил мальчика под руку и, рассыпаясь в похвалах, повлек по тропинке в ту же сторону, куда полетела на рыбе старуха.

Странная это была ходьба. Вроде и прошли немало, но Ром поймал себя на мысли, что успел только вздохнуть. А когда выдохнул, тропинка уже кончилась.

Они стояли на краю леса у пологого спуска в долину. Дальний ее край был освещен пожаром. Похоже, горела какая-то деревня. Неровные лоскуты пламени прыгали вверх, отблески огня отражались в гибких водах болота, которое простиралось чуть ближе. Слева над долиной громоздилась гора, местами голая, а местами покрытая лесом, и от ее подножия к центру долины двигалась цепочка факелоносцев.

– Это мои друзья, – скрипучим довольным голосом сказал Манулий.

Ром прищурился, пытаясь разглядеть их получше. И хотя он не сделал ни шагу, через мгновение очутился вместе с Манулием рядом с ними.

– Да это же гномы! – воскликнул мальчик.

– Можешь называть их, как хочешь, – отозвался Манулий со смехом. – От них не убудет.

Невысокие, но плотные существа в коротких плащах и капюшонах, из-под которых торчали седые бородки, с торжественным достоинством несли факелы. Только тихо-тихо позванивали серебряные колокольчики, пришитые к рукавам их плащей да изредка щелкали и коротко шипели горящие факельные головы. Гномы двигались к полуразрушенной башне, возле которой располагался широкий помост.

От горы с глухим ропотом отвалился тяжкий валун, и долина огласилась протяжными звуками, отчасти напоминавшими пение свирелей. Из образовавшегося черного отверстия показались шеренги гномов-музыкантов. Они шли ровно, не сбиваясь с шага, и играли на дудках, подчинясь воле дирижерской палочки. Сам дирижер, пышноусый щекастый господин, ехал верхом на рыжем хомяке, размерами не уступившим бы борову. Примечательно, что из спины дирижера сквозь прорези на плаще торчали два крылышка, а хомяк был обут в мягкие сапожки с золотыми шпорами.

От горы отвалился еще один валун, и наружу выбрались три зверя, похожие и на енотов, и на барсуков сразу. Неторопливой рысью они повлекли повозку, в которой закачалась золотая статуя мальчика. По бокам повозки бежали охранники: сурового вида гномы в кольчугах и с обнаженными мечами.

Следом за этой повозкой появилась другая. Высовывая от натуги язык, ее тащила старая седая крыса. Повозка, хотя в ней лежал только один небольшой свиток, скрипела и потрескивала, будто вот-вот развалится от непомерной тяжести. Эту повозку сопровождал целый отряд крупных, отлично вооруженных гномов.

– Что же там такого ценного, что нужно охранять лучше, чем золото? – спросил Ром.

– Там Черный Свиток, – шепотом сказал Манулий и быстро потупился, потому что сразу несколько охранников сверкнули на него огненными глазами.

От горы отвалился новый камень, и в долину степенно вышел белый слон. За ним следовали целые толпы гномов самых разных возрастов и мастей. Были среди них и старцы, бороды которых достигали щиколоток, и совсем юные без бород, и дети, едва научившиеся ходить. Одеты они все были, хоть и не богато – в плащи, украшенные нехитрыми узорами и желтые сапожки, но по тому, что и плащи, и сапожки были безукоризненно чисты, можно было сразу догадаться, что это их лучшая, парадная одежда. Гномы шли чинно и неторопливо, и в густые волосы каждого была вплетена ветка папоротника с темно-алым цветком.

Высоко над долиной среди вдруг разорвавшихся в клочья туч, появилась круглая медная луна. На земле все дрогнуло, будто нежданный ливень обрушился на притихшую листву.

– Месса! Месса! – закричали гномы голосами, похожими на костяные гарпуны, какие Ром видел в музее. Факельщики окружили с трех сторон помост и стали лицом к горе.

– А вот и Рдел! – Манулий указал Рому на степенного и отменно важного гнома, в первых рядах следовавшего за белым слоном. – Приветствуем тебя, Рдео!

Не прошло и мгновенья, то ли толпа гномов так быстро нахлынула, то ли Манулий увлек его в толпу, но мальчик оказался рядом с важным гномом.

– Рдео, я привел мальчика. Как видишь, я не бросаю слова на ветер, – заискивающе сказал Манулий. – Игла у тебя?

– Не сомневайся. – сказал Рдео. Голос у него был такой же костяной, как и у кричавших, но, пожалуй, потяжелее.

Манулий вцепился глазами в черный блестящий футляр, из которого гном, не спеша, извлек золотое острие, более похожее на шпагу, чем на иглу. Длинною оно было с руку, а конце толстой своей части имело небольшое отверстие.

– Просто отлично, просто замечательно! – Манулий засуетился, задергал плечами и стал с таким восторгом потирать ладони, что из них посыпались искры.

Ром стоял среди гномов. Они не превосходили его ростом, передвигались бесшумно и легко. Но в этой легкости чувствовалась каменная тяжесть. Такая же живет под зеленой травкой в валуне, выглянувшем из земли и уходящем в нее неизвестно до каких пор.

Манулий осматривал иглу со всех сторон и задавал Рдео какие-то непонятные вопросы. Мальчику стало скучно. Он пробовал заговорить с гномами, но те не обращали на него решительно никакого внимания. К тому же от их круглых лиц, от их плащей и даже от их сапог веяло жаром, как от разгоряченной плиты, на которой готовится и первое, и второе, а в духовке еще и пирог печется.

Вообще, гномы казались крайне серьезными, не способными к шуткам существами. Однако Ром имел случай убедиться, что это вовсе не так. Просто шутки и забавы их были совсем другими, чем у людей.

Вернее, они понимали шутки иначе. Так один безусый гном остановился напротив усатого, озадаченно покачал головой и, указывая на верхнюю пуговицу его куртки, сказал:

– Гляди-ка, у тебя пуговица отвалилась. Так-то ты приготовился к празднику!?

Усатый, наклонил голову, чтобы убедиться в отсутствии пуговицы, и... Разумеется, нос его оказался в пальцах шутника. Усатый медленно вращал глазами, что-то обдумывая, а безусый смеялся. Наконец он отпустил нос обманутого.

– Где? – спросил тот.

– Что где?

– Где нет пуговицы?

– А вот здесь! – шутник снова указал рукой на верхнюю пуговицу куртки.

Снова усатый наклонился, снова был схвачен за нос и снова осмеян за глупую доверчивость.

Однако, едва шутник насытился смехом, он снова спросил:

– Где?

Так продолжалось до тех пор, пока шутник окончательно не рассердился на глупость усатого, так и не понявшего его шутки, и не ушел изрядно рассерженный прочь.

Тут уж рассмеялся усатый. Ром подумал, что до него наконец-то дошел смысл происшедшего, но тот весело крикнул в спину раздосадованного шутника:

– Смеется тот, кто смеется последним! – и довольно подкрутил ус.

Да, вот такие были у гномов шутки.

Между тем Манулий и Рдео продолжали вести малопонятный разговор, и мальчик, не зная, чем заняться, стал разглядывать белого слона. Он казался сделанным из одного куска прочного белого камня и размерами не уступил бы двухэтажному дому. Огромные белые уши его плавно покачивались, а белые глаза смотрели в даль, озаренную пожаром.

– Эй, слон, как дела? – приподнявшись на цыпочки, крикнул Ром.

– Дела, как сажа бела, – трубным голосом ответил слон. – Полезай на спину – узнаешь.

С этими словами он опустил хобот. Рома упрашивать не пришлось, и уже через секунду он оказался на спине слона. Она была плоской и такой ровной, будто ее разглаживали утюгом до тех пор, пока совершенно не разгладили. Лишь с краю в этой совершенно ровной каменной спине угадывался отпечаток человеческой фигуры. Ром наклонился пониже и прислонил ладонь к отпечатку ладони в камне. Они совпали. Мальчик лег и сразу же понял, что это его собственный отпечаток, невесть как образовавшийся на удивительной спине не менее удивительного слона. Внизу Ром увидел Манулия и Рдео.

– Итак, должен еще раз тебя заверить многоуважаемый, что золото прошло все девять положенных стадий, – сказал Рдео. – Твои сомнения на этот счет я вынужден расценивать, как оскорбление...

– Ни в коем разе, ни в коем, уважаемый. – поспешно перебил гнома Манулий. – Наше сотрудничество проверено временем, и я не сомневаюсь, что и на этот раз не разочаруюсь. Просто на первый взгляд мне показалось... Но не будем больше об этом. Сделка состоялась. Забирайте мальчишку, и делайте с ним, что хотите, как только он откроет дорогу игольему ушку.

– По рукам, – сказал Рдео, протягивая Манулию красную кряжистую руку.

– По рукам! – Манулий быстро сунул свою четырехпалую ладонь гному.

"Предатель! – в гневе подумал Ром, – он нарочно заманил меня сюда, чтобы обменять на какую-то иголку!"

– А где же мальчик? – спросил Рдео, хозяйски оглядываясь. Он не торопился передавать золотую иглу в дрожащие от нетерпения руки Манулия.

– Да здесь он, господин Рдео, не сомневайтесь. Куда ему деваться. – заскулил тот и поптичь быстро завертел головой в разные стороны.

В этот миг спина слона дрогнула и, не успев Ром сообразить, что происходит, как весь слон превратился в облако. Мальчик свалился между Манулием и Рдео, а то, что миг назад казалось каменным слоном, колыхнулось и быстрой тонкой лентой нырнуло в окошко полуразрушенной башни.

– А вот и мое юное сокровище, – сказал Манулий, одной рукой принимая из рук гнома золотую иглу, а другой, указывая на мальчика. – Ты ведь сможешь мне?

– С удовольствием, – Ром едва сдерживал негодование.

Манулий присел, замахал рукавами плаща, в которых бултыхались его руки, заклокотал и с размаху пронзил иглой выкатившееся из-под его ног яйцо. Толпившиеся вокруг гномы одобритительно загудели.

– Мой юный друг! – театрально воскликнул Манулий. – Посмотри в ушко и вспомни о людях! Вспомни свой дом!

Ром глянул в игольное ушко и представил, как выдирает из жирного подбородка Манулия синие перышки.

– А! Ай! – вскрикнул Манулий, хватаясь за подбородок и тщетно пытаясь удержать разлетающиеся перышки. – Что ты делаешь!? Я же сказал – дом!

– Дом? Вот тебе дом! – и Ром представил, как невидимая рука хватается обманщика и швыряет прочь.

– А-а-а-у! – раздался удаляющийся в вышину крик.

Ром оглянулся. На том месте, откуда только что распоряжался Манулий, никого не было. Рядом стоял Рдео, удивленно вращая глазами. Гномы молчали. Золотая игла с мягким стуком упала на землю, и скорлупа яйца развалилась, обнажив дымящуюся головешку.

– А впрочем, это не наше дело, – сказал Рдео и перестал вращать глазами. – Сделка состоялась.

У полуразрушенной башни ударил барабан. Сквозь спины гномов Ром увидел, как между шеренг факельщиков на помост взбежал маленький черный человечек. Он взмахнул руками, и четверо гномов, с тяжким вздохом подняв с повозки Черный Свиток, положили его в руку странного существа с головой свиньи. И факельщики, и музыканты, и все гномы, вышедшие из горы опустились на одно колено.

Долгий протяжный звук возник в глубине долины.

– Месса! Месса! Месса! – прокричали гномы.

Звук, возникший в глубине долины, наполнялся новыми силами и как бы поднимался на ноги. Земля пошатнулась, и над ней побежал невидимый поток. Он подхватил Рома, как подхватывает щепку бурный весенний ручей, и стремительно понес к черному отверстию в горе.

Глава IV

В багровом свете факелов

Пролетев в потоке длинную галерею внутри горы, Ром приземлился в круглой пещере. Ее потолок был залит тусклым светом, проникавшим через прорези в верхней части стен. Еще несколько галерей начиналось, а, может быть, кончалось в пещере. Сухой ветерок тянул из них запах серы и окалины.

– Эй, есть тут кто-нибудь? – крикнул Ром. Голос его тупо стукнул по стенам, и снова наступила тишина.

Разумеется, можно было подождать, пока кто-нибудь появится и выяснит, что это за пещера и куда ведут из нее ходы. Но не таков был Ром, чтобы ждать. Не услышав на свой вопрос ответа, он смело шагнул в ближайшую галерею и отправился по ней, намереваясь найти выход из горы. Однако вместо выхода он вскоре увидел перед собой железную дверь.

– Чего стоишь? – закричали из-за двери недовольные голоса. – Раз пришел – заходи!

Ром с трудом отворил дверь. В лицо его дохнуло сыростью, по щеке скользнула паутина.

– Быстрее закрывай дверь! Нам жарко!

– Кому это нам? – спросил мальчик, вглядываясь в кромешную темноту.

– Нам, властелинам гномов! – сказал кто-то над самым его ухом.

– Да зачем ты с этим злодеем объясняешься!? – крикнули сбоку. – От разговоров с ним не будет никакого проку. К тому же он меня еще и раздавит! Была бы моя воля, я б залепил камнем прямо в его дурацкий лоб!

– А ну-ка, покажись! – потребовал Ром.

– А чего мне показываться? И сам сейчас увидишь.

И действительно, мгла поредела, и мальчик, к некоторому своему недоумению, увидел, что находится в небольшой каморке, и пол, и стены, и даже потолок которой заросли грибами.

– Да, довольно-таки дурацкий юнец, – сказал гриб на кривой длинной ножке. – Съесть мы его не съедем, а вот разговоры вести придется. Тут уж ничего не поделаешь.

– А представьте только, что нам его нужно есть! Б-р-р! – один из грибов с отвращением передернулся. – Он такой грубый, такой костистый! Ничего более отвратительного и придумать нельзя. Может, побыстрее позовем Юлая, чтобы вывел отсюда это никчемное создание? А то у меня остатки аппетита пропадут!

Ром остолбенел от такой наглости.

– Посмотрите-ка на него, – сказал другой гриб. – Он остолбенел. Он полагает, что мы с ним слишком дерзко разговариваем! Он считает, что мы всего лишь грибы, и он волен поступить с нами, как ему вздумается!

Грибы рассмеялись, их широкие зеленые шляпки закачались.

– Да ты не спеши столбенеть-то, – продолжил гриб. – Ты лучше посмотри в дальний угол. Спеси-то тогда и поубавится.

Ром взглянул в дальний угол и увидел там... самого себя рядом с пареньком в треугольной шапочке, из-под которой выглядывала косичка.

– Пройдет совсем немного разговоров, и произойдет то, что ты сейчас увидел. Мы, властелины гномов умеем смотреть вперед. – с беспечным достоинством сказал все тот же гриб, и видения в дальнем углу исчезли.

Ром подумал, что, по-видимому, этот гриб был здесь главным, хотя ничем особенным от других грибов не отличался – такая же зеленая шляпка на длинной ножке, такой же невзрачный голосок.

– Нет-нет, я не главный, мы тут все равны. – сказал гриб. Он, похоже, умел читать чужие мысли. – Сейчас ты спросишь, "что значит властелины гномов?" Что ж, отвечу...

– Что значит властелины гномов? – неожиданно для себя спросил Ром.

– ...Быть властелинами гномов значит вершить их судьбу, – как ни в чем ни бывало продолжил гриб. – К тому же... Ну... обедать ими, завтракать, ужинать. Словом, поступать с ними по своему усмотрению.

– Небольшая, но важная поправка, – сказал другой гриб. – Не "обедать, завтракать и ужинать", а "завтракать, обедать, полдничать и ужинать".

– Ну, это смотря откуда отсчитывать, – заметил гриб на кривой ножке. – Конечно, я понимаю, что не очень красиво говорить о гномах, как о блюдах... Вообще-то мы гномов уважаем... Но таковы уж обстоятельства, и ничего поделать с этими обстоятельствами нельзя. Гномы ведь кто? Труженики и еще раз труженики.

– И еще и еще раз труженики, – вставил из дальнего угла какой-то гриб. – Скромные, покладистые. В общении и на вкус весьма приятные.

– Весьма, весьма, – дружно поддержали грибы и закачали шляпками.

– Хлопот они никому не доставляют. Всю жизнь трудятся, а когда наступает их последний час, приходят сюда и рассыпаются в пепел. Топ-хлоп, и то, что было гномом, вмиг становится пеплом. Это чтобы собратьев не обременять похоронными хлопотами, и нас покормить. За тысячи лунных восходов мы съели столько гномов, что знаем о них все. Но в последнее время гномы стали портиться. Нет, они не стали менее вкусными, но... К трудовым своим обязанностям стали относиться менее ревностно, появились среди них лентяи. Нравы их стали падать. Вот ты только что видел, как будешь беседовать с Юлаем. Можно ли было представить каких-нибудь двести лунных восходов назад, что юный гном посмеет так одеваться? Несуразная шапочка, легкомысленная накидка... А волосы-то, волосы! Чего доброго, он скоро в ухо серьгу вставит! Эдак придет ночь, когда гномы, вместо того чтобы работать, заведут здесь оперу и бары, а мы останемся голодными!

Грибы возмущенно загудели, закачались, некоторые заохали.

– Ну а я-то тут при чем? – поинтересовался Ром.

– Разумеется, ни при чем. Ты всего лишь наше орудие, с помощью которого среди гномов будет укреплена дисциплина и восстановлена древняя нравственность. Видел ли ты золотого мальчика, которого везли на мессу?

Ром утвердительно кивнул.

– В следующую мессу таким золотым мальчиком должен был стать ты. – сказал гриб, росший прямо из стены. – У черного мага Манулия есть договоренность с гномами. К каждой новой мессе они изготавливают ему особенную золотую иглу, а он дарит им мальчика, в котором живет свет. Игла нужна магу, чтобы смотреть в ее ушко недобрым глазом в мир людей и наводить там порчу. А мальчик нужен гномам, чтобы черпать вдохновение для рук. Они приковывают его к стене и перед работой касаются его пальцами. Тогда пальцы их обретают вдохновение, а мальчик... мальчик становится все золотее и золотее, пока вовсе не делается золотым. Вообще-то гномов нельзя упрекнуть в непорядочности. За свет вдохновения они честно платят золотом. И даже, когда мальчик делается совершенно золотым, и ему уже все равно, они не переплавляют его на свои нужды, как поступили бы прохвосты, а отдают миру. Статую вывозят на мессу, и ночные зарницы разносят ее золото по всем землям.

– А что, гномам больше неоткуда черпать вдохновение, кроме, как из мальчиков? – поинтересовался Ром.

– Разумеется, неоткуда! – воскликнул гриб. – Не могут же гномы высовывать из горы пальцы! Во-первых, это было бы смешно, а во-вторых, гномы боятся живого света, он превращает их в камни. А в мальчиках живет скрытый свет, свет вдохновения, который необхо-

дим в работе. Видел бы ты, какие чудесные украшения изготавливают гномы для Великой госпожи Неи! А какое великолепное оружие куют они для Гората и его слуг!

Грибы восхищенно загудели.

– Однако мы решили наказать гномов, – прервал гудение гриб, росший из потолка каморки. – Наказать для их же блага. Юлай выведет тебя из горы, и гномы лишатся источника вдохновения. Великая госпожа Нея и Горат будут недовольны работой мастеров и для гномов наступят суровые времена.

– Очень суровые! Очень! – закричали грибы. – Вот тогда-то гномы и призадумаются! Тогда им не до забав станет! Тогда-то и восстановится прежняя дисциплина! Да здравствует порядок! Да здравствуют обеды! Долой оперу!

Из стены в углу каморки выдвинулся камень, и в образовавшемся отверстии показалась голова молодого гнома в треугольной шапочке. Глаза его блестели задором.

– Вы звали меня, друзья? – гном быстренько оглядел каморку и вопросительно посмотрел на Рома.

– Юлай, ты видишь юношу, которого твои сородичи по варварскому своему обычаю намерены приковать к стене. – сказал толстый зеленый гриб, произраставший на камне, отодвинутом Юлаем. – Ты должен его спасти. Мы знаем, что сердце твое полно благородства, а голова – замечательных замыслов. Ты один из немногих гномов, кто презрел дикие обычаи старины и решил посвятить свою жизнь прекрасным идеалам справедливости.

При этих словах Юлай покраснел от удовольствия, а грибы закричали разом: "Спаси его, Юлай! Не дай свершиться несправедливости!"

– Несправедливости? – Ром презрительно усмехнулся. Он был возмущен коварством и лицемерием грибов. – А вдруг я не захочу спастись и останусь здесь!?

– Ты хочешь быть прикованным к стене и превратиться в золотую статую? – хихикнул рядом гриб. – Не старайся выглядеть глупее, чем ты есть на самом деле. И потом... посмотри-ка в угол и ты увидишь, что сейчас будет.

Мальчик посмотрел в угол и увидел себя, проворно влезającego в тайный лаз.

– Я ненавижу это подземелье! – вдруг воскликнул Юлай, и косичка его задрожала, как бы разделяя чувства гнома. – Эта бесконечная глупая работа, этот вечный мрак и огонь! Я счастлив, что могу вывести тебя из этой гнусной горы, незнакомец! А к тому же мне так хочется напакостить сородичам... – Юлай вдруг потупился и обиженно надулся. – Они ведь меня за уши таскают... Говорят, что я бездельник. А я им говорю, что неблагородно чумазым-то ходить, что есть возвышенные интересы...

– Ну ладно, хватит, благородный Юлай! – дружно закричали грибы. – Пускайтесь в путь, а то гномы вот-вот вернутся.

Нырять в потайной ход вслед за Юлаем, Ром – ему действительно не хотелось стать статуей – почувствовал, что поскользнулся.

– Я же говорил, что он меня раздавит! – раздался вдогонку возмущенный крик.

Потайной ход был поначалу узким и колючим, как лучина. Но внезапно он расширился, будто лопнул, и превратился в галерею с высокими стрельчатыми окошками в стенах. Ром заглянул в одно из них и увидел внизу огромный сверкающий зал. Тысячи ручьев, мерцающих всеми цветами радуги, бежали по его ровному полу. Они причудливо отражались в стенах, испещренных кристаллами и в зеленом с разводами потолке.

– Это главный цех гномов, – сказал Юлай. – Здесь плавят золото, серебро и еще что-то наподобие.

– А там, что такое? – Ром кивнул на приземистые сооружения, похожие на домики без крыш.

– Это дома, в которых живут гномы. Они стоят прямо в цехе, чтобы на работу быстрее приходиться.

– Почему же они без крыш?

– Каких еще крыш? – удивился Юлай. Как и остальные гномы, он не знал, что такое крыши, поскольку внутри горы дожди никогда не шли, и в крышах не было никакой необходимости. – Если ты спрашиваешь про удобства, то сразу скажу: никаких удобств глупые гномы не признают. Им бы все работать да работать. Ковать, чеканить и как его... В общем, жить меж этих ограниченных существ мне совершенно невыносимо. Только грибы меня здесь и понимают. Да еще некоторые из наших. Они тоже живут умственными устремлениями, на работу не ходят и презирают глупые традиции старины, вроде мессы. Вон Кинок, он после меня самое возвышенное существо здесь.

Внизу на камне, покрытом цветастом пледом, возлежал толстый лысый гном в поло-сатом халате и желтых носках. Одной рукой он поддерживал свою задумавшуюся голову, а в другой его руке медленно дымилась изогнутая трубка.

– Юлай, грибы говорили об украшениях для госпожи Неи. Ты не видел среди этих украшений ананас из золота? – спросил Ром.

– Что такое "она нас", я не знаю, но из золота есть что посмотреть в сокровищнице. – сказал Юлай.

По галерее они обошли главный цех и поднялись по лесенке в сокровищницу. Ни одному человеку в мире еще не удавалось увидеть сразу столько драгоценностей. При свете факелов тяжело мерцали сундуки, наполненные свежестелитыми золотыми и серебряными монетами. На стенах красовались изумительной работы мечи и сабли, с рукоятками инкрустированными сапфирами и изумрудами и одеяния, вытканые золотыми нитями и затейливо усыпанные сверкающими камнями. Здесь можно было увидеть массивные перстни с жирными яхонтами и тончайшие колечки с бирюзой, броши с бриллиантами в виде смородиновых кистей и диадемы из драгоценных лепестков, блистающих, как змея на солнце, горделивые царские короны и надменные кубки, серебряные и золотые брюхатые слитки. Казалось, что все золото мира и все его драгоценные камни собрались в этой подземной сокровищнице. И только одного золотого ананаса здесь не было.

– Тут столько красивого, – разочарованно сказал Ром.

– Да уж, у нас всякого такого добра навалом. Льем, куем, чеканим. – Юлай высокомерно задрал подбородок, будто лил, ковал и чеканил он, а не его собратья. – У великого воина золота и драгоценных камней предостаточно.

– У великого воина?

– Разумеется. Он ограбил все окрестности и пошел к своей возлюбленной, чтобы ценой золота купить ее любовь. О, это был великий и бесстрашный воин! Когда ему дорогу преградил Горат, он вступил в схватку с самим Горатом! Но тот поразил его молнией. Великий воин пал и стал горой. Потом в горе поселилось наше племя и занялось изготовлением всяческих штуквин. Например, из сердца великого воина получается превосходная сталь для мечей...

Вдалеке послышался тяжелый гул. Это возвращались с мессы гномы.

– Нет, Юлай, ты ошибаешься. – В дверях, попыхивая трубкой, стоял Кинок. – Сталь для мечей добывают не из сердца, а из костей воина.

– При всем моем уважении к тебе, Кинок, должен со всей ответственностью заявить, что сталь добывают именно из сердца, но никак не из костей.

Меж тем гул приближался и обрастал голосами.

– По-моему, нам пора, – сказал Ром.

– Ха-ха-ха! – хриплым голосом рассмеялся Кинок. – Ничего более глупого я еще не слышал! Где это видано, чтобы сердце шло на клинки!

– А кости!? – вспыхнул Юлай.

– Все-таки нам пора, – сказал Ром. – Гномы вот-вот будут здесь.

– А кости в самый раз годятся. Они крепкие.

– Нельзя ли отложить спор на время? – спросил с досадой Ром. – Мне вовсе не хочется превратиться в золотую болванку.

– А разве мы спорим? – удивился Юлай. – Просто уважаемый Кинок заблуждается, и я считаю необходимым...

– Это я-то заблуждаюсь! – возмутился Кинок. – Да я готов поклясться своими седыми волосами... – тут он постучал по своей лысой голове трубкой. – что собственноручно наблюдал, как из костей воина отливали клинки!

– Как это понимать "собственноручно", – ехидно поинтересовался Юлай.

Однако Кинок был не из тех, кто готов признавать свои ошибки. Он закусил губу, поворачивая глазами и решительно заявил, что наблюдал именно "собственноручно".

Видя, что гномы не собираются прекращать спор, мальчик дернул Юлая за руку и спросил:

– Где выход из горы?

– Там где-то, – Юлай, занятый поисками новых доводов, которые доказали бы его правоту в споре, неопределенно махнул рукой.

Ром выскочил из сокровищницы и стремглав кинулся к галерее. Гномы, возвратившиеся с мессы, заметили мальчика и пустились за ним в погоню. Надо сказать, бегали они неважно, но зато отлично знали все ходы и переходы внутри горы. А Ром не знал, где выход. Он бежал по тоннелям, которые были похожи один на другой, как гальки, обточенные морем. Спуски сменялись подъемами, а шаги преследователей все приближались и приближались. Наконец мальчик оказался в длинной галерее, заканчивавшейся тупиком. Обратной дороги не было – густая толпа преследователей деловито и споро приближалась к мальчику. На лицах гномов не было ни злости, ни охотничьего азарта. Пожалуй, одна лишь досада на то, что вместо работы, они занимались глупой беготней. Впереди всех шагала Рдео с кандалами.

"Уж лучше я погибну, чем позволю заковать себя" – подумал Ром, и в этот миг гора дрогнула и по всем ее тоннелям и галереям прокатился чей-то тяжелый вздох. Пригнулись и распрямились багровые огни факелов на стенах, где-то шумно покатались камни.

Ром сжал кулаки, зажмурил глаза и со всех ног бросился на стену, обрывавшую галерею. Он был уверен, что разобьется в лепешку, но не жалел об этом.

Глава V

Повелитель светлых вод

Стена брызнула, как мыльный пузырь, наткнувшись на острие. Ром с изумлением открыл глаза и увидел утренний свет. Несколько гномов кинулись было к мальчику, но, попав в этот свет, обратились в камни и с грохотом покатались вниз по склону. Остальные медленно и косолапо отступили вглубь горы.

– Йи-хо-хо! – торжествуя, закричал Ром.

И его восторженный крик отозвался и в черных подземельях, и в зеленых лесах, приготовившихся к пробуждению.

Насвистывая и сшибая на скаку росу с листьев, Ром поспешил вниз. Ночная зловещая долина совершенно преобразилась. Ни болота, ни горящего селения, ни полуразрушенной башни на ней, как не бывало. Под горой катила светлые воды река, в небе, раскинув розовые крылья, висела птица.

Еще несколько прыжков, и мальчик – на пустынном берегу. Но чьи это крадущиеся шаги слышатся за грудой камней? Ром насторожился, и – вовремя. На берег выскочил разъяренный Манулий. Он был изрядно потрепан, из правого сапога его торчал острый кривой коготь, оставлявший на земле рваные отметины, а в длинной руке, не предвещая ничего хорошего, прыгала золотая игла. Манулий сделал стремительный выпад, пытаясь пронзить Рома, но тот проворно перекувырнулся и отскочил.

– Все равно ты от меня не уйдешь! – прошипел Манулий и, по-птичьи заклокотав, кинулся в новую атаку.

Ром едва успел увернуться, а черный маг сделал новый выпад. На этот раз игла была нацелена прямо в горло мальчика. Но тут нечто длинное и серебристое мелькнуло в воздухе.

– Проклятье! – взвыл Манулий и покатился по земле вместе с веретенообразной рыбой, впившейся в его руку. Другая, точно такая же рыба, нетерпеливо кружилась и извивалась сверху, подстерегая момент, чтобы вцепиться в шею Манулия.

– Довольно ему! – раздался голос, и обе рыбины, нехотя оставив мага и вильнув в воздухе хвостами, устремились к фигуре, стоявшей прямо на воде недалеко от берега. И хотя размерами рыбины не уступили бы стоявшему, целиком и без труда скрылись в его небольшой белой бородке.

Манулий медленно поднялся на ноги. Стоять ему было трудно, и он оперся на золотую иглу, как на палку.

– Почему ты не позволил мне отомстить? – спросил маг, обращаясь к седобородому.

– Ты устарел для своего ремесла. Убирайся прочь. – сказал тот.

– Никому, даже тебе, Ринтон, нельзя нарушать Большой Закон. Снежный мальчик дал мне свое слово. – Манулий косо глянул на Рома. – Он не сдержал его, и я имею право на прямую месть!

– Что ж, – лицо Ринтона, мгновенно осунулось и стало цвета льда под темной водой. – мсти, Хавз...

Пока он произносил "хавз", с магом произошли невероятные превращения. С легким сухим треском, будто лопнул переспевший гороховый стручок, отлетел его птичий нос, перышки на голове вздыбились и позеленели. Длинный плащ, жадно чмокая, облепил вытянувшееся тело мага и сковал взметнувшиеся руки, на которых в один миг выросли десятки тонких пальцев. Среди них блестела золотая игла. Маг покачнулся и плашмя упал в реку. От его падения поднялась целая туча зеленых брызг. Когда она с легким шелестом вернулась в реку, длинное тело Манулия уже несло по стремнине.

– Подойди поближе, снежный мальчик, нам следует говорить накоротке. – сказал Ринтон. Он, как ни в чем ни бывало стоял на том же месте реки, хотя ее течение заметно усилилось.

Ром посмотрел на воду, плескавшуюся у ног и перевел недоуменный взгляд на Ринтона:

– Но как я пойду? Я ведь не умею ходить по воде.

– Когда-то ты не умел ходить и по земле. – сказал тот. – А теперь бегаешь.

Мальчик приблизился к самому берегу и осторожно потрогал ногой воду.

– Смелее! – весело крикнул Ринтон. – Смелее, малыш!

Ром почувствовал, как от этих слов в его груди радостно встрепенулось сердце и, не думая больше ни секунды, пошел к Ринтону.

Поначалу ноги по щиколотки проваливались в воду, как проваливаются они у ребенка, когда тот, важно надув щеки, шагает по подушкам. Но так было совсем недолго. Вода становилась все более упругой, пока не стала, как лесная тропинка. И – удивительное дело – Рому это не показалось странным. Он подошел к Ринтону и посмотрел ему в лицо – нежная розоватая кожа, синие с лазоревым отсветом глаза. Если бы не седые волосы и белая борода, можно было бы подумать, что это лицо юноши.

"Интересно, как это две большие рыбины ухитрились укрыться в такой маленькой бороде?" – подумал мальчик и увидел, что возле нее вьется еще с десяток рыб, самых разных форм и расцветок, а по ресницам Ринтона скачет морской конек с перламутровой дудкой в виде ракушки. Когда он подбрасывал дудку к губам, все вокруг озарялось тонким зеленым светом, а когда опускал, все желтело. А еще Ром увидел, что берег отступил так далеко назад, что были едва-едва видны прозрачные вершины гор.

– Мир людей меняется еще быстрее, – сказал Ринтон. – Ты хочешь остаться здесь или вернуться к людям?

– Я хочу найти золотой ананас. – Ром с надеждой посмотрел на Ринтона.

– Зачем?

Вместо ответа мальчик вспыхнул, а Ринтон ударил по воде прозрачной тростью, увитой белыми цветами. Вода потемнела, и по ней пробежала зыбь. Далеко внизу, как если бы Ром вдруг вырос до облаков, по его ногам хлестнул бешеный ветер. Вода запенилась, закипела, и в ней образовалась широкая впадина. Трехмачтовое суденышко, захлебываясь в волнах, шло по кругу, все ближе и ближе приближаясь к страшной воронке посередине этой впадины. На суденышке метались фигурки, лопались канаты, по палубе, сметая все на своем пути, катались пузатые бочки.

– А вон капитан Питер, – Ринтон указал на фигурку в красном камзоле и со шпагой на боку. – Он назвал судно в честь своей молодой жены Глорией и отправился в плавание, чтобы восхитить ее подарками. И каждый матрос ушел в это плавание ради женщины! – Ринтон захохотал, и на корабле с треском рухнули мачты.

С высоты все, что было внизу, выглядело игрушечным: и суденышко, и фигурки на нем, и жерло воронки, такое же узкое и блестящее, как в раковине, когда из нее уходит вода. Забавно нелеп был босой и мокрый человечек, прилепившийся к ползающему по палубе сундуку. Пока его товарищи боролись со стихией, он торопливо прятал за пазуху увесистые мешочки.

– Ему нужно золото! – захохотал Ринтон, и корабль опрокинулся на бок.

– Для чего ты мне это показываешь? – спросил Ром.

Буря мгновенно стихла.

– Так ты по-прежнему хочешь найти золотой ананас? – спросил Ринтон и, немного помедлив, добавил скучным голосом. – Я ничего тебе не показываю. Ты видишь сам.

Теперь они стояли посреди зеркально голубого залива.

– А жена того Питера... – Ром запнулся.

– Она ничего не знала. Когда корабль опрокинулся, она спала в доме на берегу.

– Она и теперь спит? – спросил Ром.

– Теперь, – Ринтон скользнул по заливу, как по льду на коньках. – Она за свадебным столом. Она выходит замуж. Ах! – Ринтон сделался крошечным и пролетел по воздуху, словно на качелях. – В ее глазах соленая влага людского счастья. Она подносит к губам бокал с красным вином. О, Питер, право, не стоит... Вино пролилось на свадебное платье. Испорчена вещь. – Ринтон очутился на черном плавнике невесть откуда взявшейся акулы и, сделав круг, встал перед мальчиком.

– Я никогда не видел акул так близко, – едва Ром сказал это, как акула с шумом высунула из воды огромное тупое рыло. Оно выражало недоумение – видно, хищнице тоже не доводилось так близко видеть мальчиков. Тем более, стоящих на воде.

– Тебе многое предстоит увидеть в потаенной стране, – сказал Ринтон и пнул акулу. Та скрылась под водой и нехотя, будто верная собака, которую гонит хозяин, поплыла прочь.

– А другие люди могли бы видеть то, что вижу я?

– Да, если их глаза любят, а сердце потеряно в океане, – сказал Ринтон, и мальчик вспомнил слова Алины.

– А что произошло с Манулием? – спросил Ром, чтобы переменить разговор.

– И в потаенной стране, и в мире людей – только люди об этом не догадываются – есть Власть Имени. Зная имя, ты имеешь власть над тем, кому оно принадлежит.

– Но ведь все знают имена друг друга. – Удивился мальчик. – Свои имена никто не скрывает.

– Неужели ты полагаешь, что если тебя зовут Ромом, то и твое истинное имя звучит так же? – Ринтон усмехнулся. – Оно звучит совсем по-другому. И если кто-нибудь узнает, как оно звучит, получит великую власть над тобой.

– А ты знаешь мое имя?

– Да. Но я не причиню тебе вреда. Ты снежный мальчик, а я Повелитель Белых Вод, и наши имена живут вместе.

– Я бы хотел знать, как меня звать по-настоящему...

– Пока тебе нельзя знать свое истинное имя. Ненароком произнесенное, оно раздавит тебя, как ее челюсти – лапку краба, – Ринтон указал на громадное тело акулы, медленно скользившее рядом. – Ты видел, что произошло с Манулием, когда я назвал лишь часть его истинного имени.

– А что еще не знают люди, но могу узнать я?

– Люди скованы тенями и не знают слишком многого...

– Тенями? Как это можно быть скованным тенью? – перебил Ром и посмотрел себе под ноги.

Под ногами тени не было. Он посмотрел вокруг себя – нигде, ни за спиной, ни сбоку, он не увидел своей тени. Как не увидел ее рядом с Ринтоном. Он хотел посмотреть – не отбрасывает ли тень на воду хотя бы акулый плавник, но акулы уже не было. Изменилась и вода – из голубой она стала темно-зеленой. Белый пузатый мотылек коснулся ее и тут же был поглощен невидимой прожорливой рыбой.

– Слишком большая цена для такого маленького любопытства, – сказал Ринтон.

Теперь они стояли в тихой заводи, окруженной густыми фиолетовыми зарослями и синими деревьями, с ветки одного из которых и слетел мотылек. Ни деревья, ни кусты не отражались в воде.

– Значит, в Потаенной стране совсем нет теней? – спросил Ром.

– Ну почему же "совсем"? Например, то, что люди называют деревьями, и есть тени. Тени Веев, охраняющих небесные границы. Чтобы быть невидимыми и неуязвимыми в небесном бою, Вей оставляют на земле свои тени, которые люди принимают за деревья.

– Странно, – сказал Ром задумчиво. – В мире людей я видел, как деревья отбрасывают тени. Что же получается – тень отбрасывает тень?

– В этом нет ничего странного. Вей оставляют свои тени на земле еще до своего рождения, и те из них, что приходят к людям, живут по их законам.

– Но ведь люди спиливают деревья, топят ими печи, делают мебель... Даже обычный карандаш – и тот из дерева. Получается, что когда я беру его в руки... Я беру тень? – удивился Ром.

– Да, часть тени погибшего стражника, – сказал Ринтон. – Когда убивают тень, умирает и ее хозяин. Люди не знают этого, потому что слепы и не прислушиваются к голосу своего сердца. Даже тебя, сына человека, они не смогут увидеть, пока ты свободен от своей тени.

– Они никогда меня не увидят?

– Ты спросил о том, что выше моего понимания, – прозрачная трость Повелителя Светлых Вод потускнела, и в воду с нее упал белый цветок.

Цветок зазвенел, как тонкое фарфоровое блюдце на железном подносе. Сизая, быстро темнеющая туча, накрыла все вокруг. Засвистел ветер, и туча, свившись в тугой, играющий огнями шар, полетела, подминая на своем пути фиолетовые заросли.

Откатилась, не оставив следа, заводь, и Ром остался один на песчаном берегу.

– Ринтон! – позвал мальчик.

– Наши имена живут вместе, – прошептал кто-то рядом, и он почувствовал, как по его щеке катится светлая дождевая капля.

Глава VI Пекмата

Это была первая капля ливня, тотчас же рухнувшего на землю. Ром сразу промок до нитки и почувствовал то, что почувствовал бы маленький зеленый побег, затерявшийся в лопухах на задворках, если бы в один миг превратился в уважаемое многошумное дерево, свысока озирающее окрестности. Ром вырос вверх по ливню и мог смотреть одновременно во всех направлениях. Он видел и пенящуюся, терзаемую ливнем заводь, полную подводного рыбьего движения, и избиваемые тугими каплями кроны синих деревьев, еще до рождения оставленные Веями, и белые дома города в далекой солнечной долине, куда ливень еще не пришел и, возможно, не собирался идти. Вместе с водой мальчик проникал и в глубь земли, где стояла чернильная мгла и слышалось мягкое шуршание кротов.

Но вот ливень кончился, и Ром осел на мягкую и широкую шею Пекматы. То, что это была именно она, мальчик ничуть не сомневался, хотя никогда прежде Пекмату не видел и не знал, кто она такая и как он на ней очутился.

Если взглянуть на Пекмату со стороны, то она похожа на огромного коричневого бегемота, из спины которого растет резвый зеленый крокодилчик с острыми зубами. Может показаться, что у Пекматы могучие ноги, широкая щекастая голова, и три длинных серебряных рога на высоком лбу. Да, со стороны Пекмата может показаться именно такой, но это вовсе не означает, что она, действительно, такая. По крайней мере Ром, усевшийся на шее Пекматы, увидел, что шея ее вовсе не коричневая, а светло-розовая, почти белая и на лбу никаких серебряных рогов нет, а есть три глубокие морщины.

Пекмата неторопливо шла по широкой долине, и трава покорно ложилась ей под ноги.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.